

ВЛАДИМИР ЯШКЕ

Владимир
Яшке

Иллюстрации автора

МОРСКОЙ СУНДУЧОК ОТЦА

Этот сундучок я помню, кажется, сколь себя. Я уж не помню, обит ли был он медью или был просто деревянным или железным, как многое на отцовских кораблях. Были у него всякие, но один из них запомнился тем, что из него появлялись, как по волшебству, всякие старинные карты, книги, приборы, особые карандаши, зажигалки, компасы, рукописи, картинки, финки, бритвы английской стали с костяной ручкой, погоны, кокарды с якорями, нашивки ВМФ, ордена, медали, макеты, циркули, линейки, угольники, кнопки, скрепки, медные гвозди, костяные шахматы, морской кортик, пистолет ТТ с патронами, нож для харакири, старинные гравюры, крохотные модели парусников, вересковые и вишневые курительные трубки, кисет с душистым табаком, мотки шпагатов и пеньковых веревок, боцманские серебряные свистки, куски воска, вара, сургуча, фотоаппарат, обрезки бамбука, косточки экзотических плодов, открытки с видами портов всего мира, китайская тушь, зарубежная бумага с иностранными буквами, акварельные краски с мягкими беличьими кистями, блокноты с рисунками и

заметками, разноцветные камушки, прадедушкин серебряный мундштук с янтарем, рубинами и бирюзой с турецкой прошлого века войны. И чего там только не было! Когда отец уезжал в командировку, он брал его с собой, а возвращаясь, доставал из него что-нибудь мне в подарок: свисток, «Хижину дяди Тома» магаданского издания, моржовой кости пеликана или китайские разноцветные переводные картинки. Иногда он разрешал мне самому копаться в этом волшебном сундучке. И всякий раз, заглядывая туда с затаенным дыханием, я ждал появления все новых и новых из затаенной таинственной глубины всяких чудесных всячин. И никогда не обманывался. То изыскивал я там секстант, то просто линзу, то красивого жука в коробочке, то китайского ваньку-встаньку и еще чего почуднее, чему не знал ни пользы, ни названия, но что всегда было драгоценно в моих тогда ощущениях. Тогда мне казалось, что весь мой мир и я сам — все сотворилось и вышло из этого морского сундучка: и сам отец, и Камчатка, и Великий Океан, и небо со звездами, и Авача за окном, и отцовский эскаэр, много лет служивший мне домом, тоже вышел из этого сундучка. Я и до сих пор не очень уверен, что это не так, — и это кроме шуток. Читать я еще почти не умел и до шести лет читать ленился — больше любил смотреть картинки, особенно японские гравюры и иллюстрации к «Дон Кихоту», к «Морским рассказам», к «Мюнхгаузену» и «Робинзону Крузо» и к многотомной истории XIX века Тарле, где поражали неизменно гравюры Гойи и литографии Домье. Правда, я пытался их красоту увеличить раскрашиванием цветными карандашами, за что бывал не раз наказан и обруган, как мне казалось, совершенно несправедливо. До шести лет книги мне читала матушка или отец, а с шести я сам почитывал и к восьми годам уже запойно. Тогда-то я и откопал в отцовском сундучке не предлагаемые мне и тем более привлекательные приключенческие романы. Это были старые или старинные издания с ятями Джека Лондона, Майн Рида, Конан Дойла, Куприна, Свифта, Одоевского, Сологуба, Уэлса, Стивенсона, военные издания английского шпионского романа и меж ними маленькая 30-х годов в красном переплете с серебряным тиснением книжечка Александра Грина: рассказы. Так мир Александра Грина вошел в меня совершенно в духе его собственной фантастической феерии — из морского сундучка моего отца инженер-капитана ВМФ Яшке Евгения Владимировича. Предисловие Цезаря Вольпе я пропускал и потому о Грине ничего не знал до, приблизительно, 58-го года, когда читал о нем Паустовского. Я тогда жил уже в Крыму, где Грин жил все последние годы, и умер, и был похоронен. В первой половине 60-х судьба свела меня со спелеологами, скалолазами, археологами, геодезистами, рисующими, пишущими и просто увлеченными Крымом и Грином. Профессии показательны, как и увлечения. Я изрисовывал каждый день тушью, акварелью, гуашью стопки листов сценами из Мира Грина, как я его себе представлял. Это избавило меня от соблазна моды на Грина, вскоре наступившей повсеместно. Мои образы, вполне заемные, хоть и наивные, оказались, вовсе не совпадали с ходячими по моде, вызывавшими у меня то смех, то досаду и почти всегда — неприятие. Собственно, мне ничего не пришлось выдумывать ни тогда, ни позже — я просто вспомнил то, что, казалось, знал всегда. Без тени сомнения, я лишь из листа к листу старался передать свои впечатления как можно достоверней, точнее, подробнее по состояниям. В спину мне дышал Великий Океан, в будущем принимала меня Балтика, а тогда — в 60-х — у ног моих плескалось в известковых скалах теплое Черное море, стелилась выжженная и вытоптанная ковыльная маковая киммерийская степь, вся в оврагах, балках, курганах, могильниках, и, казалось, на костях всех народов древности вздымались причудливые образы Главной гряды Крымских гор с гигантскими, словно оброненными кем-то, фантастических очертаний скалами у самого побережья, где вились прихотливо узкие меж белых и цветных и дичковых стен улочки, увитые виноградной лозой, хмелем, лавандой, розами, чабрецом, вьюном и пропахшие молодым вином, цветущим миндалем, вишней, душистыми дынями, свежей рыбой, крепким табаком, известковой, выжженной солнцем пылью, клозетами, арбузами, реликтовой с полумертвыми иголками сосной, терпкой смолой, можжевельником и кипарисом, портовым мазутом, кизяком и запекшейся кровью веков. Ах, что это за запахи такие! И не они ли составляют добрую половину прелести нашей неутомимой памяти? И кажется, все эти запахи впитала то мутная, как молодое нецеженое вино, то янтарная, искрящаяся солнцем, то жемчужная, то седая, то бирюзовая, крутого посола, черноморская волна. Мир Александра Грина лежал у самых ног, пропитал воздух, маялся тревожной истомой в наших подростковых сердцах и навсегда, до конца памяти и дней, прикипел к нашей красной, кровяной, разжиженной по венам и артериям соли. Что здесь выдумывать, что сочинять? Вспоминай и живи. Живи и вспоминай. Вот и все сотворение в творчестве уже сотворенного и вечно творимого вовне и в тебе самом мира. И ныне и во веки веков.